

Русское

интеллектуальное наследие

**МЫШЛЕНИЕ АНТИНИГИЛИСТА
(Заметки о Н.Н. Страхове)**

ЧЖУ ЦЗЯНЬГАН

Между двух вершин

Особое положение Н.Н. Страхова в кругу значительных фигур русской культуры бесспорно. Даже если бы ему не удалось создать такого изобилия публицистических статей, критической литературы и различных воспоминаний, за ним и рядом с ним — две великие вершины русской литературы. Он был многолетним сотрудником Достоевского, который уверял его в том, что взглядами своими ему едва ли не вполвину обязан; другим величайшим собеседником стал Толстой, хваливший его за глубокое понимание своих работ (среднего и позднего периода). Стало быть, в истории у Страхова было свое, особое место: он умел быть отзывчивым, умел понимать своих собеседников и быть понятным для них. Кроме этого, Страхов — исследователь и оппонент русского литературного нигилизма.

На склоне лет Страхов назвал себя «трезвым между угорелыми»¹ — среди тех, кто обезумел в своих пристрастиях, стал одержим исключительно чужими точками зрения, «темными силами» или «бесами» Достоевского. Нигилизм для Страхова есть концептуальное и историческое проявление этой одержимости — своего рода интеллектуальная ветреность, влечение к тому, чего не существует в наглядном, конкретно-жизненном опыте мышления (влечение к «западным» точкам зрения). Сопrotивление этой одержимости можно так или иначе найти во всех размышлениях Страхова. Его собственная литературная жизнь разворачивалась вокруг темы нигилизма; как он сам заявил не без шутливости в статье «Счастливые люди» (1865): «Особенно следил я за предметом, который, как мне кажется, я могу с некоторым правом считать своей специальностью — за нигилизмом»².

31 марта 1882 г., в начале очередной исторической эпохи, Страхов подводит итоги уже сделанному: «Все это движение, которое наполняет собою последний период истории, либеральное, революционное, социалистическое, нигилистическое, — всегда имело в моих глазах только отрицательный характер, отрицая его, я отрицал отрицание»³. Эти слова имеют глубокий смысл: «отрицать отрицание» означает некоторое требование возражать высказанному, сопротивляться отрицательным смыслам чужих высказываний или точек зрения. Это своего рода формула страховского антинигилизма.

Стремнина

О нигилизме говорили уже Л. Фейербах и К. Маркс, но в большинстве случаев на это явление только указывали, не проясняя его истонного теоретического характера. М. Хайдеггер заметил, что европейский нигилизм был осмыслен через посредство русских литераторов: «Слово “нигилизм” вошло позднее в оборот через Тургенева как обозначение того воззрения, что действительно существует только сущее, доступное чувственному восприятию, т.е. собственному опыту, и кроме него нет ничего. Тем самым отрицается все, что основано на традиции, власти и каком-либо ином авторитете»⁴. Хайдеггер размышлял о том, что русское слово «нигилизм» на европейском Западе имело сенсуалистический, гносеологический смысл — «полное отрицание».

Собственно русский нигилизм был отличен от европейского. Он тоже предполагал отрицание, но имел при этом практический, просветительский характер. Он распространился в России 1860-х гг. в виде особого социального глубокомыслия, у истоков которого стоял В.Г. Белинский. Смысловые границы русского нигилизма — материализм, рационализм и позитивизм: наука, принимаемая как некая подлинность, становится нравственным условием русского нигилизма. Отрицание здесь наполнено конкретными социально-политическими значениями, направлено против «самодержавия, православия, народности» как официальной идеологии. Безоговорочно убедительнее искусственных попыток воспроизведения исторической традиции для русских нигилистов оказалась реальность науки. Как указывал Д. Мирский в «Истории русской литературы с древнейших времен по 1925 год», «нигилисты придавали особое значение материализму и агностицизму. Наука, особенно естествознание (Дарвин), была их основным оружием. В антиэстетическом движении они пошли дальше всех. Они были социалистами, но их социализм оставался на заднем плане. Первым своим долгом они считали просветить народ, дать ему практические знания и сведения об эволюции»⁵.

Европейский нигилизм — прекрасный образец полного отрицания, отрицания собственной основы: просвещения, разума. Как и русский нигилизм, нигилизм европейский *не мыслил свои последствия*. Однако русскому нигилизму так и не пришлось достичь европейских гносеологических пределов. Уступая европейскому нигилизму в его философской глубине, русский нигилизм оказывается более деятельным в практическом отношении, в стремлении к тому, что последовательно окажется под подозрением у европейского, — к просвещению и разуму как своим чистым сущностям. Все это происходит в обстановке политической модернизации России.

Русское нравственно-научное просветительство, уже в начале XIX столетия имевшее вполне оформленный характер, в 60-е гг. направ-

ляется к нигилистической стремнине. Долго ожидавшаяся отмена крепостного права больше разочаровывает, чем осчастливляет русскую интеллигенцию и обычных крестьян. Развитие капитализма в России усиливает экономику, но еще больше увеличивает разрыв между богатством и бедностью, вызывает общественное недовольство. И пусть даже не запыляет сразу от искр этого недовольства вся страна, ропот недовольства уже звучит и слышен повсюду. Правительство принимает меры и не находит ничего лучшего, как подавлять недовольство. Со временем будут отправлены в тюрьму Чернышевский, Писарев и М.И. Михайлов; принудят умолкнуть глашатаев революционного стана, запретят издание «Современника»; «Русскому слову» и общественному движению будет дан самодержавный укорот, знакомый, впрочем, и до 1855 г. и связанный с правлением Николая I. Но течение народной жизни оказывается сильнее, своенравнее, оно вырывается из предложенного ей регламента. У молодых, небогатых русских интеллигентов, частью бесправных уже по своему происхождению, рождается безумная мысль — «сбить с ног всех, низвергнуть всех (идти по головам других)» — не лишним будет теперь вспомнить Раскольникова из «Преступления и наказания»! Модернизация России начинается в экономике, с отменой крепостного права, и происходит в общественной мысли, которая перерождается, становится исходно иной.

«Нигилизм» начинается, долго существует и, наконец, становится модным как установка мышления, «отрицание всего». Яркое жизненное воплощение этой установки — Базаров, в котором сосредоточиваются две характерные черты русского нигилизма: сплошное, чистое отрицание и исключительный сциентизм. К первому он призывает, второй — его очевидная опора. Запальчивость его призыва замечена, как замечена и социально воспринята вся особенная, огневая жизненность литературной встречи «отцов» и «детей». Литераторы в своем кругу начинают почти бесконечный спор, в котором, впрочем, уточняется деятельное, разом безумное и просветительское, свойство русского нигилизма. В 1862 г. Тургенев пишет К.К. Случевскому: «Если он (Базаров) называется нигилистом, то надо читать: революционером»⁶. В 1863 г. писатель Н.С. Лесков отметит: нигилизм — «это склонность демократичного общества к материализму». Герцен в 1864 г. в произведении «Порядок торжествует!» напишет, что нигилизм «в серьезном значении — наука и сомнение, исследование вместо веры, пониманье вместо послушанья»⁷. Так разум Просвещения преобразуется в мощное, сокрушительное оружие Нигилизма.

Антинигилистический взгляд

Как мыслитель, получивший естественнонаучное образование, Страхов, конечно, знает, как разум, рациональность помогает человечеству продвинуться в его поступательном движении; но он

также распознает и опасность, которая возникает при чрезмерном увлечении рациональным. К примеру, рассуждая о книге Дарвина «Происхождение видов», он замечает, что теория эволюции — «великий прогресс», «огромный шаг в движении естественных наук»⁸; однако он тут же указывает на особенности ее восприятия русскими публицистами, абсолютизирующего и неграмотного, — восприятия, которое весьма вредит современному обществу.

Среди всех пылких возгласов о нигилизме Страхов невозмутим: нигилизм он делает предметом своего исчерпывающего анализа. Для этого мыслителя нигилизм — это выбор русского общества, которое таким образом пытается справиться с приливной волной передовых идей и модернизационных замыслов. Наступит отлив, старое будет унесено, и все начнется сначала. Если же этот выбор неверен, то каким должен быть правильный выбор? Нужно учесть и обдумать не только основные смыслы нигилизма, не только то, чем является нигилизм сам по себе, но и то, как можно представить себе спасительную альтернативу — антинигилизм как направление движения. Иначе не избежать нигилистического *круга*, круга странного и бессмысленного.

Размышления Страхова двусторонни. Прежде всего, это общие наблюдения и характеристики русской литературной жизни, которые содержатся в целом ряде публицистических циклов — «Бедность нашей литературы» (1868), «Письма о нигилизме» (1881) и др. Затем, это те его частные мысли о нигилизме и антинигилистической альтернативе, которые возникли в кругу конкретных литературных полемик, были воплощены и развернутым образом представлены в критических статьях, особенно об «Отцах и детях» (1862), «Преступлении и наказании» (1867).

Вокруг «Отцов и детей», как известно, кипели споры. Тургенев вспоминал: «Я замечал холодность, доходившую до негодования, во многих мне близких и симпатических людях; я получал поздравления, чуть не лобызания, от людей противного мне лагеря, от врагов»⁹.

Рецензенты пишут избыточно лично и запутываются в своих нестойких интеллектуальных пристрастиях. Полемическое кипение вытесняет тщательный анализ; полученные таким образом наблюдения и обзоры мало кого устраивают.

Страхов прокладывает свою тропу — исследуя образ Базарова, он вскрывает суть нигилизма, возникшего в русском обществе, обнажает его жизненные корни. Проясняется *цель* труда писателя: «...во временном указать на вечное... и написал роман не прогрессивный и не ретроградный, а, так сказать, всегдашний... Одним словом, Тургенев стоит за вечные начала человеческой жизни»¹⁰. Страхов мыслит самостоятельно, но от его выводов не веет холодом одиночества: подобные мысли высказывает о романе Достоевский, ничуть

не сговариваясь об этом со Страховым. Хотя письмо Достоевского Тургеневу о Базарове до нас не дошло, для исследователей главным источником реконструкции отзыва Достоевского является фрагмент из «Зимних заметок...»: «...беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм»¹¹.

Писарев отзывается о романе — Страхов указывает на границы писаревского анализа: главного героя, Базарова, Писарев принимает как «истинного героя»; для Писарева Базаров «есть первое сильное лицо, первый цельный характер, явившийся в русской литературе из среды так называемого образованного общества»¹².

Проницательность Страхова состоит в том, что он не останавливается на анализе героя нового поколения и героев поколения предшествовавшего, «отцов» и «детей». На взгляд Страхова, «смена поколений — лишь наружная тема романа»¹³. Оценка романа не должна ограничиваться признанием его социально-героического характера, сводиться к выявлению трагедии героического просвещения новых поколений на счет будто бы новых, как будто вновь подлинных отвлеченно-общих истин «добра» и «зла». Этот роман требует от читателя обращения к жизни — не к тому понятию жизни, которое указывает на некоторое общее течение событий и позволяет занять некую стороннюю теоретическую позицию, а к жизни в ее мыслимой конкретности, приватности и единственности — жизни, познавая которую нельзя оставаться к ней безучастным. С этого понятия начинается противостояние Страхова нигилистическому умозрению.

Базаров-нигилист, по слову Страхова, восхищает читателя не героико-просветительской направленностью своих действий, а своей отрицательной чувственностью — смелым отбрасыванием всякого чувственного опыта, искусства, всего того, что образует положительную чувственную основу жизни. Его трагичность, в сущности, именно в этом. «Обаяние природы, прелесть искусства, женская любовь, любовь семейная, любовь родительская, даже религия, все это — живое, полное, могущественное, — составляет фон, на котором рисуется Базаров»¹⁴. «Базаров — это титан, восставший против своей матери-земли; как ни велика его сила, она только свидетельствует о величии силы, его породившей и питающей, но не равняется с матерней силой»¹⁵. Базаров терпит поражение от самой жизни: «Базаров все-таки побежден; побежден не лицами и не случайностями жизни, но самую идею этой жизни»¹⁶. Подобные рассуждения можно обнаружить у мыслителя в различных его статьях.

Исследуя «бедность нашей литературы» (раздел «Нигилизм. Причины его происхождения и силы»), Страхов прежде всего указывает на то, что идея нигилизма противоположна идее жизни: «Нигилисты. Отрицание русской жизни вместе с отрицанием европейской»¹⁷. Шаг за шагом открываются первопричины нигилизма. «Прежде всего,

нигилизм есть некоторое западничество»¹⁸. «Во-вторых, нигилизм есть не что иное, как крайнее западничество — западничество, последовательно развившееся и дошедшее до конца»¹⁹.

Указав на источники нигилизма, Страхов ищет большего: «Нигилизм есть отрицание всяких сложившихся форм жизни»²⁰ — отрицание, которое не является полностью «дурным». «Нигилизм есть прежде всего и главнее всего — отрицание; это его основная и здоровая, правильная черта»²¹, поскольку «скептицизм, недоверие, отсутствие наивности, насмешливость, бездеятельная, но умная ленность — все эти черты русского характера находят здесь себе исход»²². И в заключение: «Итак, нельзя не видеть, что нигилизм, хотя развился под влиянием Запада, но главные свои условия нашел в особенностях нашего внутреннего развития. Самая лучшая и самая важная его сторона есть попытка освобождения ума от тех уз, которые тяготеют над русским человеком»²³.

Ценность нигилизма, говоря гегелевским, хорошо знакомым Страхову языком²⁴, заключается в том, что он влечется к абсолютно духовному; но самый большой недостаток нигилизма состоит в том, что в этом влечении он удаляется от жизни, которую он, между тем, не в силах отрицать абсолютно. Эта диалектическая точка зрения Страхова на нигилизм и его одностороннюю жизненность дает себя знать не только в толковании образа Базарова.

В страховских работах 60 — 70-х гг. является сквозным и получает все новые разъяснения понятие жизни. В рецензии на «Преступление и наказание» (1867) это понятие истолковывается и уточняется с учетом образа Раскольникова. Страхов признает его удачным: «В первый раз перед нами изображен нигилист несчастный, нигилист глубоко человечески страдающий»²⁵. Образов нигилистов в русской литературе к тому времени было предостаточно, но малоправдоподобных, теоретичных; достоинство образа, созданного Достоевским, состояло в жизненности уже самого сюжета: «Автор взял нигилизм в самом крайнем его развитии, в той точке, дальше которой уже почти некуда идти». «Показать, как в душе человека борется жизнь и теория, показать эту схватку на том случае, где она доходит до высшей степени силы, и показать, что победа осталась за жизнью — такова была задача романа»²⁶. Нигилизм теоретичен и сер; жизнь — вечно молодое, зеленеющее дерево. Проницательный Страхов раскрывает замысел Достоевского: писать о жизни, которой обязан своим существованием и с которой борется нигилизм.

Необходимо уяснить положительное содержание понятия жизни как основной реальности антинигилистического мышления; требуется уточнить это понятие в его отчетливом выражении. Страхов полагает, что толстовский персонаж Платон Каратаев — воплощение положительной жизненности русского народа. В «Войне и мире» о

нем написано не так уж и много, но все, что говорит Каратаев и говорится о нем, исполнено глубокого смысла. Каратаев — побудительная, антинигилистическая сила, понудившая Пьера изменить строй своих мыслей, расстаться с доверием к одному только умозрению с угрюмой серьезностью: этот человек «остался навсегда в душе Пьера самым сильным и дорогим воспоминанием и олицетворением всего русского, доброго и круглого»²⁷. Под влиянием Каратаева Пьер «чувствовал, что прежде разрушенный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых и незбылемых основах, воздвигался в его душе»²⁸.

Обаяние Каратаева как раз заключалось в его теоретической бедности. Не располагая никаким множеством теорий, избытком теоретических взглядов на жизненную реальность, которые позволяли бы выражать недовольство по отношению к этой реальности или даже отрицать ее, он был лишь преисполнен сердечной благодарности к жизни, к ее добротному единству. История жизни самого Каратаева целостна и насыщена — он творит ее на основе своей любви ко всем жизненным проявлениям. Жизнь, особенно русская жизнь, есть основа всего; отбросьте ее, и в тот же момент вы легко подвергнетесь влиянию Запада и придете к нигилизму, — таков здесь конечный вывод Страхова. В этом нетрудно усмотреть сходство размышлений Страхова и смысловых приоритетов русского почвенничества.

Почвенничество и здравый смысл

Почвенничество — особое направление русской мысли. Благодаря Достоевскому, А. Григорьеву и самому Страхову, оно возникает в середине XIX в. как некая практика борьбы с теоретическим самозабвением русской интеллигенции — славянофилов, сделавших своим убежищем традицию, и западников, взявших равнение на Запад. Почвенники пытаются сохранить открытость и целостность русского мышления, его здравый смысл — быть отзывчивым ко всему и держаться своего; опираясь на достоинства собственной культуры, избирательно принимать западноевропейские идеи, служа, в конечном счете, своему подлинному, российскому жизненному миру.

Следует заметить, что путь почвенников — это путь особого согласия, обдуманного компромисса. Достоевский пишет в одном из номеров «Времени» (1861): «Мы убедились, наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача — создать свою новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал»²⁹. Размышления Страхова заключают в себе аналогичный смысл.

Чтобы исполнить задуманное, русской мысли прежде всего необходимо выйти, насколько возможно почтительно, из тени западноевропейского мышления и обрести собственный голос; затем — осмыслить, мысленно упрочить коренящуюся в особенностях жизни

русского народа ее целостную национальную идею. Все это способствует формированию антинигилистического умозрения. У самого Страхова неприязнь к нигилизму имеет давнюю историю: «Но мне не терпелось и хотелось стать скорее в прямое и решительное отношение к нигилистическим учениям. Могу сказать, что во мне было постоянно какое-то органическое нерасположение к нигилизму и что с 1855 года, когда он стал заметно высказываться, я смотрел с большим негодованием на его проявления в литературе»³⁰. Среди важных событий 1855 г., происходивших в российском литературном кругу, — защита Чернышевским диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», с ее всеохватным материализмом. Книга Чернышевского получает признание у русской молодежи и совсем не радует Страхова. Он полагает, что «материализм» Чернышевского, с его конкретно-научным обоснованием и трескотней о рассудке, фактически поверхностен; невежды-материалисты, следуя Чернышевскому и просвещая других, смешны. Сведение всей жизненной полноты знания только к конкретным, прикладным наукам, отсутствие размышлений об основополагающих смыслах или формах впору четвероногим и пернатым, которые заняты день-дневской подобной конкретностью. Умозрение должно быть жизненным; теория, как бы ее ни называть, утратившая связь с жизненной действительностью, самыми ее основаниями, — лишь общий призыв, лозунг мыслителя, опустошенного и обессиленного.

В суждениях Страхова о теории, которая необходимо должна быть жизненной, сказывается немалое влияние А. Григорьева, создателя органической критики. Умерший безвременно, сорокадвухлетним, Григорьев успел выработать идеи, очевидно важные для почвенничества как системы. Основная предпосылка его теории органической критики связана именно с жизнью. В своей статье «Парадоксы органической критики» Григорьев пишет, что «органический взгляд признает за свою исходную точку творческие, непосредственные, природные, жизненные силы»³¹. Размышляя почвеннически, в согласии с полнотой понятия жизни, Григорьев указывает: «Принцип народностей не отделим от принципа художественного — и это точно наш символ, только допотопный. В этом символе — новость, свежесть жизни, вражда к теории»³².

Страхов в своих размышлениях отнюдь не стремится к оригинальности; он, стало быть, следует почвенническому, органическому направлению, ближайшим образом олицетворяемому для него Григорьевым, — и именно таким образом говорит свое.

Естественнонаучное образование Страхова, повлияло на его философские представления о мире как едином организме; это ярко выразилось в его книге, непосредственно посвященной естествознанию, — «Мир как целое. Черты из наук о природе» (1872). Здесь

Страхов повсюду касается органического понимания жизни. Мир — единое целое, которое не следует разделять на бесконечное множество «групп», «сфер», «государств» различными теориями, будто бы внеположными этому миру. Основа мира — человек. Если нет человека, то нет и мира. Это, разумеется, просто — настолько просто, что об этом часто забывают, и об этом надо напоминать.

После смерти (вместо заключения)

Из некролога московских психологов (в 1894 г. Страхов был избран Почетным членом Психологического общества):

«Человек разносторонне и широко образованный, мыслитель тонкий и глубокий, замечательный психолог и эстетик, Н.Н. Страхов представляет и как личность выдающиеся черты — стойкостью своих убеждений, тем, что он никогда не боялся идти против господствующих в науке и литературе течений, восставать против увлечений минуты и выступать в защиту тех крупных философских и литературных явлений, которые в данную минуту подвергались гонению и осмеянию»³³.

Этой посмертной характеристике вполне можно доверять — здесь замечено весьма существенное в едва завершившейся жизни самого Страхова. Исторически значение Страхова заключается не только в его приверженности антинигилизму как некоей идее, которую он формулировал и отстаивал. К концу XIX в., когда в массовом сознании русской (и не только) интеллигенции получили доминирующее влияние нигилизм или более умеренные взгляды, также основанные на материализме или позитивизме, которые по мере своего распространения сметали всякий доконцептуальный здравый смысл, Страхов осмелился настаивать на своей духовной свободе — свободе человека самостоятельного и независимого. Преобладающие взгляды во все большей степени угрожали деперсонализацией культуры, деперсонализацией, которая была неприемлема для Страхова, в том числе и как для христианина.

Свою благодарность Страхову выразил Л.Н. Толстой: «Боюсь и не люблю критик и еще больше похвал, но не ваших. Они приводят меня в восторг и поддерживают силы к работе»³⁴. Достоевский тоже высоко оценил значение литературной критики Страхова: «Я так думаю: не будь теперь Ваших критик, и ведь у нас совсем уж не останется никого, в целой литературе, кто бы смотрел на критику как на дело серьезное и строго необходимое»³⁵. *Страхов не только прожил между великими вершинами русской культуры* — он образовывал с ними единый становой хребет, выислся с ними в едином ряду, вопреки всем прихотливым течениям и их модным стремлениям. «И один мне тьма, если он лучший» (千人诺诺，一士谔谔). Таков Страхов. История уже вполне рассудила нигилизм и антинигилизм; целью

наших нынешних исследований никак не может быть суд над ними и новая окончательная разметка их прошлого опыта познания мира. Опыт этот не существовал сам по себе. Не требуется ни испещрять его вновь концептуальными отметинами, ни награждать новыми ярлыками, — куда полезнее обходиться без таких наград и отметин, снимать и счищать застарелые, стараясь сблизиться с тем добротным, сердечным миром людей, которые жили прежде нас. Сблизиться с лучшими. Ради этого — и мои заметки о Страхове.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грот Н.Я. Памяти Н.Н. Страхова. К характеристике его философского мирозерцания. — М., 1896. С. 8.

² Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма 1861 — 1865. — СПб., 1890. С. 309.

³ Письмо Страхова к Толстому от 31 марта 1882 г. // Переписка Л.Н.Толстого с Н.Н. Страховым: 1870 — 1894. — СПб., 1914. С. 292.

⁴ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. В.В. Библихина. — М., 1993. С. 63.

⁵ Mirsky D.S. A history of Russian literature: from its beginning to 1900. — Vintage books, 1958. P. 335.

⁶ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. В 28 т. Письма. В 13 т. Т. 4. — М., 1962. С. 380.

⁷ Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. Т. 19. — М., 1960. С. 198.

⁸ Страхов Н.Н. Дурные признаки (О книге Ч. Дарвина «Происхождение видов») // Время. 1862. № 11.

⁹ Тургенев И.С. По поводу «Отцов и детей» // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Т. 6. — М., 1983. С. 20.

¹⁰ Страхов Н.Н. Отцы и дети // Страхов Н.Н. Литературная критика. — М., 1984. С. 205, 208.

¹¹ Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 5. — Л., 1973. С. 59.

¹² Страхов Н.Н. Отцы и дети. С. 198.

¹³ Там же. С. 206.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 208.

¹⁶ Там же. С. 209.

¹⁷ Там же. С. 75.

¹⁸ Там же. С. 76.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 79.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 80.

²³ Там же. С. 81.

²⁴ Внимание и интерес к философскому наследию Гегеля Страхов сохраняет на протяжении всей жизни — как исследователь и как переводчик известной прогегелевской многотомной «Истории философии» Куно Фишера.

²⁵ Страхов Н.Н. Отцы и дети. С. 101.

²⁶ Там же. С. 102.

²⁷ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 12. — М., 1940. С. 48.

²⁸ Там же.

²⁹ Достоевский Ф.М. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 18. — Л., 1978. С. 59.

³⁰ Страхов Н.Н. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. — СПб., 1883. С. 235.

³¹ Григорьев А. Эстетика и критика. — М., 1980. С. 145.

³² Григорьев А. Письма. – М., 1999. С. 185.

³³ Грот Н.Я. Памяти Н.Н. Страхова. К характеристике его философского мирозерцания. С. 3 – 4.

³⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 62. – М., 1953. С. 323.

³⁵ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 29 (1). – Л., 1986. С. 124.

REFERENCES

Dostoevsky F.M. *Complete set of works in 30 volumes*. Vol. 5, 18, 29 (1) (in Russian). Grigoryev A. *Aesthetics and Critique*. Moscow, 1980 (in Russian).

Grigoryev A. *Letters*. Moscow, 1999 (in Russian).

Grot N.Ya. *Dedicated to the Memory of N.N. Strakhov. On the characterization of his philosophical outlook*. Moscow, 1896 (in Russian).

Heidegger M. European nihilism. Heidegger M. *Time and Being: Articles and Speeches*. Trans. V.V. Bibikhin. Moscow, 1993 (in Russian).

Herzen A.I. *Works in 30 volumes*. Vol. 19. Moscow, 1960 (in Russian).

Mirsky D.S. *A history of Russian literature: from its beginning to 1900*. Vintage books, 1958.

Strakhov N.N. *Biography, letters and notes from the notebook of F.M. Dostoevsky*. Saint Petersburg, 1883 (in Russian).

Strakhov N.N. Bad signs. About the Ch. *Time*. 1862.No 11 (in Russian).

Strakhov N.N. *From the history of literary nihilism 1861 – 1865*. Saint Petersburg, 1890 (in Russian).

Strakhov N.N. *Fathers and Sons*. Strakhov N.N. *Literary Critique*. Moscow, 1984 (in Russian).

The letter of Strakhov to Tolstoy. March 31, 1882. *Tolstoy and Strakhov Correspondence: 1870 – 1894*. Saint Petersburg, 1914 (in Russian).

Tolstoy L.N. *Complete set of works in 90 volumes*. Vol. 12. Moscow, 1940 (in Russian).

Turgenev I.S. *Complete Works and Letters*. Moscow, 1978 – 1995 (in Russian).

Аннотация

Н.Н. Страхов относится к числу крупных русских мыслителей XIX в., не оставивших после себя систематического теоретического наследия. Труды его обширны, особенно в области литературно-философской критики, но мышление, как полагает автор статьи, отличается жизненной конкретностью. Оно направлено против искусственности, безжизненности всякого концептуализма (и особенно против нигилизма как его прозападной исторической формы). Опыт Н.Н. Страхова является весьма поучительным для современной интеллектуальной культуры, переживающей новую созидательную эпоху своей истории.

Ключевые слова: Страхов, мышление, нигилизм, антинигилизм, жизнь.

Summary

N.N. Strakhov is one of the greatest Russian thinkers of the 19th century, who left no systematic theoretical heritage. His works are comprehensive, especially his literary and philosophical critique, but the thought, as the author supposes, is characterized by existential concreteness. It is directed against the artificial and lifeless in any conceptualism (especially against nihilism as its pro-Western historical form). N.N. Strakhov's experience is most illuminating for the modern intellectual culture going through a new creative epoch of its history.

Keywords: Strakhov, thought, nihilism, anti-nihilism, life.

*Перевод с китайского
Цуй Ливэй и Олега Лина*